

© 2019

Аркадий Мартынов

доктор экономических наук, главный научный сотрудник

Института экономики РАН,

Международного научно-исследовательского

института социального развития

(e-mail: socpolamv@mail.ru)

СОПОСТАВЛЕНИЕ СИСТЕМНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ В КИТАЕ И РОССИИ В СОВРЕМЕННЫЙ ПЕРИОД: КОНВЕРГЕНЦИЯ ИЛИ ДИВЕРГЕНЦИЯ?

В статье отмечается, что в настоящее время наблюдаются расхождения направлений фундаментальных институциональных изменений в экономике России и Китая, которые могут вести к появлению нового тренда — дивергенции экономических систем этих стран.

Ключевые слова: системная трансформация, постсоциалистические страны, государственный капитализм, конвергенция, дивергенция.

DOI: 10.31857/S020736760006130-2

Институциональные и другие значимые перемены в Китае и России в постсоциалистическую эпоху продолжают вызывать пристальный интерес. Отдельные вопросы, касающиеся этой темы, затрагиваются в огромном числе публикаций. Однако остаются мало изученными некоторые фундаментальные аспекты системной трансформации китайского общества, которые могут вести к усилению различий экономических систем в этих двух странах.

Вполне понятен исходный теоретический подход к исследованию феномена трансформации корневых институтов в русле сравнительного страноведческого исследования. Он опирается на признанный критерий институционального доминирования [1–4]. В соответствии с этим критерием о характере институциональной системы страны, в первую очередь на экономическом поле, следует судить, исходя из двух групп корневых структурообразующих институтов. Первую группу представляют институты собственности: частной, общественной и государственной собственности, корпоративной (групповой) собственности. Вторую группу — институты саморегулирования, общественного (государственного) регулирования, корпоративного регулирования.

Вместе с тем институциональные инерционные ресурсные изменения не определяют все и вся в ходе трансформации экономических и других социальных систем. Нельзя не принимать во внимание обычные институциональные новации и, тем более, институциональные/структурные реформы самого разного рода. Также общепризнана ключевая роль технологических инноваций (нововведений) как фактора, инициирующего, в конечном счете, масштабные общественные перемены. Кроме того, в качестве автономных дополняющих факторов системной трансформации выступают процессы демографических и климатических перемен.

Наряду с этим исключительное значение имеет дополнение экономической трансформации трансформациями на других полях социальных действий — социетальном (статусном) и политическом. Именно они предопределяют степень устойчивости сложившейся траектории корневых институциональных изменений.

О феномене постсоциалистической трансформации (опыт России)

В начале 90-х годов имела место институциональная дивергенция развития внутри бывшего социалистического мира, явственно проявившаяся при сравнении России и Китая и вообще наблюдавшаяся в большинстве постсоветских стран, что особенно очевидно при сравнении, например, стран Балтии с другими постсоветскими странами. В первую очередь следует акцентировать внимание на следующем обстоятельстве. В СССР, как и в других социалистических странах процесс тупиковой эволюции, продолжавшийся на протяжении десятилетий, приобрел ярко выраженный инерционный характер.

Его базой было существование мощнейшего номенклатурного слоя¹. Господствующее положение в обществе представителей номенклатуры непосредственно выражалось в конечном счете в их реальных доходах, получаемых почти по потребностям и в десятки раз превышающих доходы обычных граждан. Такое неравенство в решающей мере объяснялось не столько официальной заработной платой, сколько привилегиями в виде потребления продовольственных и иных продуктов, пользования государственными дачами, качественным медицинским и санаторно-курортным обслуживанием и другими льготами, предоставляемыми по закрытым каналам, при заведомо низкой заработной плате трудящихся. По существу, номенклатура выступала в качестве эксплуататорского класса. Именно начавшая обуржуазиваться еще при социализме номенклатура выступила главной социальной силой, заинтересованной в падении социалистического строя и формировании новой общественной системы, которая ныне определяет развитие России и характеризуется многими асоциальными чертами.

В Китае период «реального социализма» оказался гораздо менее продолжительным. Системные институциональные реформы были начаты вернувшимся к власти Дэн Сяо Пинем и его единомышленниками уже в 1978 году, всего через два года после смерти Мао Цзэ Дуна и задолго до попытки кардинального реформирования социализма в Советском Союзе в середине 1980 гг. Рыночное реформирование китайской экономики, обозначаемое как развитие «социализма с китайской спецификой», происходило постепенно, но достаточно последовательно. Воля руководства коммунистической партии осуществить рыночные реформы была высшим законом.

Следует принимать во внимание и такое обстоятельство. В Китае на момент крушения мировой социалистической системы сохранялось в значительной степени традиционалистское общество, в котором

¹ Феномен так называемого номенклатурного социализма имел под собой очевидную историческую подоплеку. Распоряжение на правах реальных хозяев основной частью формально общественной собственности было сутью существования высокопоставленной бюрократии.

крайне важную роль играл крестьянский уклад жизни с очень низкой мобильностью населения и специфическими моральными устоями.

В Китае произошла коренная трансформация отношений собственности, что нашло отражение в историческом решении Всекитайского собрания народных представителей в 2002 г. о легализации частной собственности. Приватизация по-китайски носила естественный характер реформы «снизу». Она затронула кооперативные городские и сельские предприятия, где собственность перешла в руки внутренних инсайдеров — менеджеров и в меньшей степени коллективов работников и местных администраций [9].

Параллельно состоялась фундаментальная трансформация институтов экономической координации, в первую очередь выразившаяся в переходе к полноценным ценовым и налоговым рыночным механизмам. В Китае последовательно выполнялась градуалистская стратегия очень неспешной рыночной либерализации, направленная на минимально обременительную для населения адаптацию к глобальным экономическим переменам и достижение максимальной конкурентоспособности национальных производителей на внешних рынках. В результате кризисные пертурбации в ходе мирового экономического развития в конце 90-х годов почти не коснулись китайской экономики.

Корневые институциональные перемены обусловили заведомо положительный новый инерционный тренд во всех секторах национальной экономики. Наряду с быстрым увеличением рыночных услуг происходил почти столь же динамичный промышленный рост за счет целенаправленной мобилизации капитала, экспортной переориентации и, конечно, так называемого демографического дивиденда — прилива рабочей силы в растущие рыночные сектора, возникшего в результате грандиозного передвижения сельского населения в города после реформирования аграрного сектора. Стоит добавить, что продукция этого сектора, несмотря на огромное сокращение численности занятых, продолжала увеличиваться благодаря постоянному повышению производительности труда.

Вполне достижимой оказалась и успешная коренная технологическая трансформация в сложившейся «смешанной» институциональной среде, зримо проявившаяся в ускорении внедрения и диффузии передовых технологических инноваций в гражданских рыночных секторах.

В восьмидесятых и девяностых годах был успешно использован уникальный демографический «дивиденд» [10]. Огромное увеличение числа занятых в рыночных секторах оказалось одним из драйверов очень высокого экономического роста.

В ходе рыночных реформ в Китае происходили сложные изменения в стратификационной структуре [11]. Роль рабочего класса существенно ослабла. Одновременно повысился статус административных и управленческих кадров, как и предпринимателей и квалифицированных технократов. Возникла и бизнес-элита, сразу ставшая партнером партийной и государственной элиты. По общепризнанному мнению, все эти перемены не оказывали дестабилизирующего влияния на экономическое развитие, подобного тому, что наблюдалось в России.

Нельзя не признать, что неотъемлемой чертой жизни китайского общества остается сохранение абсолютной политической власти в руках коммунистической партии. Вместе с тем можно наблюдать некоторые процессы распространения гражданских свобод и современных культурных ориентиров при одновременном ослаблении ортодоксального характера коммунистической идеологии. Демократизация коснулась практически всех звеньев государственного управления. В наибольшей степени она проявилась во введении во многих регионах страны выборности руководителей местной администрации.

Можно констатировать: в Китае социалистический уклад пережил глубокие изменения, приобрел многие рыночные характеристики и развивается далее в этом направлении, но в то же время за пределами экономического поля деятельности доминируют социалистические институты.

В России и других странах СНГ в период девяностых годов произошел переход, хотя и временный, к неолиберальной модели развития, но глубокая рыночная переориентация фактически не состоялась. Вопреки идеям перестройки утвердились интересы обновленной номенклатурной элиты и сформировавшейся буржуазной страты (и то и другое включает криминальные круги), нацеленные, прежде всего, на обогащение. Огромное значение имел и фактор силы, которым располагала элита в лице силовых структур. Произошел выбор вектора развития общества, ориентированный на интересы элиты и создающий много препятствий на пути общественного прогресса.

Огромная общественная собственность в ходе состоявшейся беспрецедентной в мировой практике российской приватизации, чековой и денежной, была перераспределена в основном в пользу представителей (включая членов семей) прежней и новой номенклатуры, занявших ключевые позиции на бывших социалистических предприятиях в реальной сфере и в банковском секторе. Особо весомый вклад в перераспределение национального богатства внесла приватизация естественных монополий в рамках сырьевых отраслей, сопряженная с присвоением огромных сверхдоходов новыми собственниками.

Ограниченный потенциал возникшего в ходе либеральной реформы легального поля рыночного саморегулирования подавлялся государственными, во многом антирыночными, механизмами и огромными теневыми, в значительной мере криминальными структурами. Инициаторы либеральной российской реформы возлагали большие надежды на спонтанное саморазвитие если не всех, то большинства вновь возникших рынков в реальных секторах. Однако этого не произошло.

С самого начала реформы формировалась инерционная антиинновационная модель развития, предполагающая взаимосвязанный рост экспорта первичных ресурсов и как бы встречного импорта потребительских товаров при притоке зарубежных кредитов. В то же время фактором нисходящего инерционного развития выступало сокращение мощностей и снижение инвестиций в обрабатывающие промышленные отрасли и отрасли производственных услуг.

Не оправдались и ожидания благоприятных изменений социальной структуры за счет формирования независимой предпринимательской страты в ходе рыночной либерализации и приватизации. В России, как и в большинстве постсоветских государств, предпринимательский средний класс не располагает экономическими и тем более политическими ресурсами, достаточными для общественного лидерства. Лидирующее положение в статусной пирамиде принадлежит сложившемуся объединенному слою старой и новой номенклатуры и теневого, в значительной мере криминального, бизнеса, реально тесно связанного со многими представителями высокопоставленной государственной бюрократии. Вместо утверждения демократического порядка координации общественной жизни появился новый авторитаризм, нарушающий правовые и другие условия нормальной общественной активности, в том числе предпринимательской деятельности.

Итогом ограниченной рыночной трансформации стало резкое снижение ресурсного потенциала национальной экономики. В течение всего периода рыночного реформирования, как и в дальнейшем, по существу, сохранялось даже в периоды возобновления экономического роста кризисное состояние большей части производственной сферы, сравнимое только с состоянием экономик западных стран в период «великой депрессии». Имели место явное вымывание высоких технологий и примитивизация технологической базы. Огромными оказались и социальные издержки.

Постлиберальный этап трансформации характеризуется кардинальным усилением государственного вмешательства во все сферы общественной жизни, особенно экономической. Широкое применение нашли так называемые кейнсианские инструменты государственного регулирования. Среди них особая роль была отведена стимулированию экономической активности посредством направления государственных инвестиций в корпоративный сектор, особенно посредством распространения холдинговой формы собственности с государственным участием. Следует заметить, что эта практика складывалась и под влиянием общемирового опыта совершенствования институтов корпоративного управления на принципах вертикальной и горизонтальной интеграции ради повышения рыночной конкурентоспособности.

Была реализована специфическая российская модель государственного капитализма. Ее отличительной чертой выступает ориентация государством экономики на такое следование капиталистическим принципам, которое позволяет удовлетворять, прежде всего, имущественные интересы правящей элиты при подавлении рыночных начал, если они начинают противоречить этим интересам. Произшедший институциональный трансформационный переход характеризовался двумя главными последствиями.

Во-первых, деятельность нефтяных и других сырьевых олигополий (монополий) стала объектом жесткого внешнего корпоративного контроля со стороны власти. Он выразился в усилении налоговой дисциплины и применении специфических методов государственного вмешательства, сопровождавшегося организационно-кадровыми переменами и уже

сточением внутрикорпоративного контроля. Во-вторых, рыночная мощь частных банков резко понизилась, на основных денежных и кредитных рынках стали доминировать федеральные банки и региональные банки с государственным капиталом. Однако надежды на то, что это откроет путь для давно необходимых широкомасштабных инвестиций в реальные сектора не оправдались.

В нулевые годы сохранялась базовая инерционная модель. Вместе с тем происходило увеличение выпуска в перерабатывающих промышленных и сервисных отраслях при прямом финансировании промышленных инвестиций в рамках многочисленных государственных программ. Возник также феномен саморазвития некоторых рынков, в первую очередь рынка недвижимости и ряда других рынков коммерческих услуг на фоне постоянного роста доходов зажиточных слоев населения.

Важная институциональная новация заключалась в совершенствовании корпоративного управления, давшем весомый позитивный макроэффект. Оно происходило в основном по инициативе руководства корпораций с использованием опыта зарубежного менеджмента. Особо уместно обратить внимание на отладку правовых регламентаций на базе ранее принятых рамочных законов, вследствие чего стало возможным согласование интересов основных субъектов корпоративного управления.

Можно констатировать, что в целом утверждение государственно-капиталистического уклада способствовало бурному восстановительному (относительно дореформенного уровня) экономическому росту в середине нулевых. Правда, по всем оценкам в решающей мере он объяснялся ростом цен на нефть и другие сырьевые ресурсы вкупе с беспрецедентным по масштабу зарубежным кредитованием, в том числе теневым, по низким процентным ставкам.

В Китае становление государственного капитализма как доминантного институционального уклада в период 1995–2003 гг. явилось непосредственным следствием корпоративизации-акционирования крупных государственных предприятий с привлечением частного капитала, но при сохранении государственного контроля [13]. В дальнейшем осуществлялась целенаправленная реструктуризация, во многих случаях на базе вертикальной интеграции, в секторе крупных государственных предприятий, сопровождавшаяся закрытием и распродажей имущества нежизнеспособных предприятий-монстров. По сути дела, государство превратилось в главного капиталиста — распорядителя несметного корпоративного акционерного капитала с участием частных инвесторов, отечественных и иностранных.

Гигантские государственные предприятия, полностью доминировавшие в ключевых отраслях китайской экономики, выигрывали от экономики на масштабах и обеспечивали множество малых и средних предприятий недорогими материалами и полуфабрикатами, создавая для них конкурентные рыночные условия. Экспортный успех Китая во многом объясняется именно низкой стоимостью энергетических ресурсов и основных материалов, производимых крупными государственными

предприятиями. Также преимущества государственного капитализма реализовывались в возможности внешнеэкономической экспансии благодаря прямой государственной поддержке и прямому участию государства в корпоративном бизнесе. Таким путем достигались конкурентные преимущества, во всяком случае временные, в сравнении с обычными частными корпорациями на отдельных рынках.

Происходила успешная адаптация к занятости в быстро растущем частном секторе, но в то же время утвердилась сложная стратификационная структура, характеризующаяся углублением разрыва между богатыми и бедными [15].

Существенной поддержкой государственного-капиталистического уклада стал выступать и сектор кооперативных предприятий. Следует иметь в виду, что в значительной массе эти предприятия были инкорпорированы в региональные индустриальные кластеры, созданные благодаря государственным инвестициям и контролируемые государственными организациями.

Одновременно кардинально усилилась роль государства и КПК в процессе экономической координации. Фактически официальной стала концепция нового авторитаризма, в соответствии с которой становление рыночных отношений должно вызывать постепенно и под покровительством сильной авторитарной партийно-государственной власти.

В рассматриваемый период сохранился повсеместный инерционный тренд роста, хотя сейчас он стал менее впечатляющим. Демографический дивиденд постепенно иссякал. Зато инерционные факторы мобилизации капитала и роста экспорта намного усилились вследствие произошедшего перехода к регулированию экономики на государственно-капиталистических принципах, особенно в отношении развития инфраструктуры и приоритетных сегментов сектора крупных государственных предприятий и дальнейшего открытия экономики миру после вступления в ВТО в 2001 году. При этом нужно признать, что в Китае авторитарный внутриполитический курс способствовал достижению экономической стабильности и приемлемого климата для инвесторов, включая иностранных.

В России в «постлиберальный» период также произошли существенные подвижки в социальной (статусной) структуре. Уменьшилась бедность, доля среднего класса в составе населения стабилизировалась. Относительно сократилась численность средней буржуазии, чего нельзя сказать о богатой буржуазии. Ее семьи стали предпочитать жить за рубежом, разместив там свой капитал [14].

В период девяностых, как и в последующие годы имело место дальнейшее усиление имущественной дифференциации на основе быстрого увеличения собственности, находящейся в руках бюрократии и сформировавшейся консолидированной с ней буржуазии.

Впрочем, несмотря на значительную общность корневых институциональных перемен в обеих странах длительное время сохранялась ситуация неопределенности в отношении окончательной выбора модели экономического развития.

Немалое значение имело следующее обстоятельство. Китайская и российская экономики были поставлены перед необходимостью адаптации к глобальному капиталистическому порядку, будучи сильно зависимыми от взаимно дополняемых мировых финансовых и сырьевых рынков. В условиях спекулятивного бума капитализация корпоративных секторов в этих странах резко возросла, что в решающей мере коснулось государственных корпораций и корпораций со значительным государственным участием. Их многомиллиардные активы в виде приватизированных пакетов акций были инвестированы в акционерный капитал других корпораций и даже в средства масс-медиа. Как следствие, численность богатой буржуазии и в еще большей мере богатой бюрократии, получающей капитализированные доходы, значительно возросла. Но все это происходило до мирового кризиса 2008–2009 гг. После него тенденция роста капитализации корпоративных секторов вскоре ослабла, как и зависимость от мирового фондового рынка и потоков иностранных инвестиций. Ситуация на внутреннем экономическом пространстве принципиально изменилась в плане безоговорочного превращения государства в основного координатора и инвестора при сокращении присутствия иностранного капитала.

Некоторые исследователи до недавнего времени высказывали мнение о неизбежности полного институционального сближения китайской экономики с экономиками западных стран. По существу, они исходили из формальных индикаторов долевого распределения собственности (доли частного капитала в совокупных финансовых активах) и личных доходов (доли доходов богатых семей). Фактически не принимались во внимание распределение собственности в ключевых секторах, как и сами механизмы регулирования движения ресурсов, находящиеся в руках китайского государства и одновременно КПК.

Государственно-корпоративный сектор крупных предприятий представляет собой остов многослойной китайской экономики, предопределяя результаты деятельности других секторов и в первую очередь сектора мелких и средних предприятий. При этом примерно 60% активов китайских корпораций принадлежит государству, 30% — частным владельцам и 10% — иностранному капиталу [16]. Показательно, что доля государственной собственности прекратила уменьшаться после последнего мирового кризиса 2007–2008.

Экономическая координация в рамках господствующего государственно-корпоративного сектора и зависимых от него других секторов осуществляется главным образом с помощью институтов государственного регулирования. В зоне их действия фактически находится и крупный частный капитал, поскольку все известные китайские миллиардеры — владельцы частных корпораций тесно сотрудничают с властью.

Неотъемлемой чертой китайской экономической модели выступает также всеобъемлющий контроль со стороны государства над банковской системой и финансовыми рынками. Экстраординарную координирующую роль в основных отраслях китайской экономики играют огромные

китайские государственные банки, лидирующие в мировых рейтингах. Они одновременно служат проводниками монетарной и кредитной политики Китая за рубежом.

Из сказанного тем не менее не следует отрицания весомого влияния на экономическую жизнь социалистического наследия. Можно привести свидетельства сохранения некоторых атрибутов социализма, приспособляющихся к рынку.

Так, общественная собственность на землю и природные ресурсы, представляющая собой сочетание государственной собственности на национальном уровне и коллективной собственности на локальном уровне, гарантирует сельским производителям доступ к земле [17]. Государство сейчас повсеместно и жестко контролирует минимальный уровень заработной платы и вознаграждения менеджеров крупных государственных предприятий, регулирует цены на повседневные потребительские продукты, следит за выполнением сохраняющихся плановых заданий по многим товарным позициям, особенно в отсталых регионах.

Рыночный социализм в его нынешнем виде, будучи одним из преобладающих институциональных порядков в рамках смешанной экономики Китая отличается от своего исходного гипотетического прообраза, прежде всего, очень значимой ролью государственно-капиталистического уклада.

В итоге возможности использования частного капитала и личного богатства остаются ограниченными. Исходя из критерия институционального доминирования, государственно-корпоративный порядок в смычке с социально-рыночным институциональным порядком явно преобладает. Тем самым есть веские основания утверждать, что **экономическая трансформация Китая до настоящего момента происходит в решающей мере по специфической модели симбиоза государственного капитализма и адаптированного рыночного социализма.**

В сравнении с предшествующим периодом инерционная модель роста претерпела некоторые изменения. Наиболее значимое из них заключается в опережающем инерционном росте потребительских рынков. По широко распространенному мнению, в настоящий период **Китай** вступил в длительную стадию развития «новой нормальности», когда **экономический рост продолжается с немного менее высокими темпами и происходит сдвиг от экспортного и инвестиционного драйверов развития к драйверу потребления и повышения качества жизни.**

За последние несколько лет осуществлялась целенаправленная политика, заключавшаяся в избавлении от избыточных мощностей и избыточного жилищного фонда, максимальном уменьшении необеспеченных кредитов, сокращении производственных издержек и преодолении ресурсных дисбалансов. Она стала прелюдией к вновь начавшемуся реформированию корневых институтов.

Китай удерживает в целом лидерство в технологическом развитии на мировой арене. Высокотехнологичные китайские корпорации занимают первые места по использованию новейших информационных и ряда других технологий, которые будут определять облик экономики двадцатых.

Наряду с этим продолжается впечатляющий рост зеленой экономики в рамках региональных кластеров [18] в соответствии с императивами устойчивого развития. Правда, ранее возникшие экологические проблемы не исчезают (как, например, в Пекине).

Вместе с тем на пути развития китайской экономики возникли новые осложнения. Произошло снижение экспортных преимуществ китайского крупного корпоративного сектора, ранее основанных на дешевизне рабочей силы и экономии на масштабах, при сопутствующем замедлении роста иностранных инвестиций и явном старении населения. Сохраняется и громадный региональный разрыв, особенно проявляющийся на западе страны с его бедным крестьянским населением.

Эти факторы, лимитирующие развитие китайской экономики, в значительной степени объясняются сохраняющимся, возможно, чрезмерным экономическим доминированием и монопольным положением предприятий государственно-корпоративного сектора в приоритетных отраслях. Многие частные предприятия до недавнего времени фактически сталкивались с ограничительным финансовым режимом [20].

В отношении большинства крупных государственных предприятий по-прежнему действуют смягченные бюджетные и кредитные режимы и особые социальные льготы. Отсюда сохранение избыточной занятости и низкой по мировым меркам производительности. В большом ряде отраслей по темпу роста она отстает от заработной платы. В свою очередь, многие провинциальные кооперативные предприятия сталкиваются с трудностями при выполнении региональных плановых заданий и нередко становятся неконкурентоспособными даже на внутреннем рынке.

При объективной оценке тенденций развития, в обозримой перспективе чрезмерное доминирование сложившихся институтов государственного капитализма может вести к снижению национальной конкурентоспособности на многих динамично развивающихся мировых рынках и к углублению социального неравенства, способного подорвать социальную стабильность [21].

Эти обстоятельства принимаются во внимание китайским руководством. В настоящее время реально осуществляется коренная реформа сектора крупных государственных предприятий, направленная на улучшение конкурентной среды [22]. Согласно заявленным намерениям, эта реформа будет ускорена и углублена. В практическом плане это означает, что стратегическая реструктуризация этих предприятий будет сопровождаться преобразованием их собственности в смешанную.

В Китае, судя по заявлениям официальных лиц, намереваются обойтись без фронтальной приватизации в традиционном ее понимании. Предполагается продажа активов крупных государственных предприятий главным образом институциональным инвесторам, представляющим уже существующие корпорации холдингового типа со смешанной собственностью. В результате возникнут необходимые условия для утверждения модели смешанной гетерогенной корпоративной собственности. При этом следует ожидать сохранение широкого участия государства как

инвестора и акционера, которому выплачивают значительные дивиденды, при параллельном порядковом расширении присутствия иностранных акционеров. В то же время по всем признакам объем инвестиций частного некорпоративного капитала в реструктурированные крупные государственные предприятия будет ограниченным.

В соответствии с намеченными планами также ожидается глубокое институциональное реформирование сектора малых и средних предприятий [23]. Определен курс на обеспечение жизнеспособности микробизнеса и ориентирование капитала к большему инвестированию в малые и микропредприятия.

Реформирование институтов собственности, видимо, будет дополнено целенаправленными изменениями структурообразующих институтов координации.

Неотъемлемым приоритетом в ходе дальнейшей реструктуризации крупных государственных предприятий выступает поддержание уровня производственных мощностей и, конечно, технологического потенциала. По этой причине предполагается усиление особого регулирования фондового и других финансовых рынков с целью нейтрализации спекулятивного движения капитала. Создание необходимых рамочных финансовых и других условий обусловит возможность эффективного функционирования институциональных механизмов корпоративного регулирования, освобожденного от чрезмерного государственного диктата, и в реформированном бывшем секторе крупных государственных предприятий утвердится смешанная форма собственности.

Также вполне достижима поставленная задача реализации долговременно эффективных и транспарентных механизмов налогообложения крупного, среднего и малого бизнеса независимо от форм собственности. При этом намечено расширить охват малых и микропредприятий 50-процентной льготой при исчислении подоходного налога при дополнительном предоставлении кредитных льгот. В случае успеха таких стимулирующих новаций можно ожидать устойчиво высокий рост независимого предпринимательства на базе действия механизмов саморегулирования при равноправном сосуществовании с реформированным государственно-корпоративным и обычным корпоративным укладами.

Не менее весомы доводы в пользу утверждения новых механизмов регулирования оплаты труда и социальных трансфертов, как и формирования личных доходов и частного богатства на строго правовой основе. В настоящее время заработная плата и жалования в секторе крупных государственных предприятий стали регулироваться по единообразному принципу. Вероятно, вскоре будет реально введена и новая система налогообложения по прогрессивной шкале. Следует отметить, что в ходе новой фазы реформирования китайской экономики, по-видимому, станет реальным и разрешение проблемы кадрового дефицита и замены старых кадров в передовых отраслях за счет широкого притока подготовленных сельских мигрантов. Тем самым изменится к лучшему положение мигрантов из сельской местности. Возможно, параллельно

будет достигнуто кардинальное сокращение региональных разрывов, особенно благодаря реализации мегапроекта «Пояс и Дорога».

С определенной долей оптимизма можно предположить, что институциональное реформирование по обозначенным направлениям выразится в фундаментальных системных переменах. На смену противостоящим институтам государственно-капиталистической, частной капиталистической и социализированной собственности придут взаимно дополняющие друг друга институты государственной, корпоративной и индивидуально-групповой (предпринимательской) собственности. Параллельно на экономическом поле будут доминировать относительно равнозначимые институты координации: государственного регулирования, корпоративного регулирования и предпринимательского саморегулирования. **В итоге произойдет системный трансформационный переход, связанный с преодолением противоречивого сосуществования институциональных порядков государственного капитализма и рыночного социализма. Утвердится единообразный корневой институциональный порядок, обеспечивающий дальнейшую поступательную трансформацию национальной экономической системы.**

Определенно неоднозначны результаты статусной трансформации в Китае в период десятих годов. Грандиозное снижение уровня бедности и сопутствующее повышение социальной мобильности определенно способствовало экономическому прогрессу и росту благосостояния. Вместе с тем исследователи справедливо акцентируют внимание на специфике феномена ловушки «средних доходов» большей части занятых, специалистов и квалифицированных рабочих [24]. Он проявляется в их низкой заинтересованности в повышении производительности, что негативно сказывается на результатах экономической трансформации.

Также, несмотря на некоторое сокращение дифференциации текущих доходов, сохраняется тенденция углубления социального неравенства с точки зрения располагаемого богатства [25]. Она может усилиться и представить системную угрозу в ближайший период распространения цифровых и трудозамещающих технологий, связанного с увеличением разрыва в заработках основного квалифицированного персонала и остальных «вспомогательных» занятых.

А какова картина институциональной трансформации экономики сегодняшней России?

Структура распределения собственности здесь во многом аналогична существующей в Китае. Формально доля частной собственности в основных нефинансовых активах (фондах) очень велика (порядка 65%). Однако в значительной своей части она принадлежит крупным корпорациям и их непосредственным партнерам — банкам, в большой мере контролируемым государственными ведомствами. Так, единственным держателем акций военно-промышленных корпораций, по организационно-финансовой форме являющихся холдингами, фактически выступает государство. Институты государственной координации сильно влияют на состояние корпоративного сектора с его огромными государственными

активами, в том числе активами спецслужб. При этом владельцы мажоритарного пакета акций ряда корпораций (олигархи) в большинстве случаев полностью координируют свою деятельность с властью (хотя некоторые, может быть, вынужденно).

Параллельно сохраняются атрибуты социализированной экономики. Фактически имеет место «социализированная» занятость в обширных зонах низкооплачиваемого и малоквалифицированного труда. Во многом она обусловлена необходимостью предотвращения безработицы, трудоустройства внутренних и внешних мигрантов в относительно благополучных регионах (московском и ряде других). В отдельных видах неприбыльной деятельности во многих регионах определенно наблюдается возрождение социалистического уравнительного принципа оплаты труда. Одновременно воочию заметна реанимация нравов кумовства и предоставления хорошо оплачиваемых рабочих мест исключительно для «своих» людей в традиции советского времени.

Воспроизводству в рыночных условиях социалистических атрибутов распределения благоприятствуют, по крайней мере, три весомых фактора. Во-первых, невероятная по прежним представлениям доля занятых малоквалифицированным трудом, в частности, в качестве продавцов в обычных магазинах и подсобных рабочих в строительстве. Во-вторых, низкая по мировым стандартам оплата квалифицированного персонала, особенно в традиционных рыночных секторах. В-третьих, огромное количество внешних и внутренних мигрантов; вследствие их заинтересованности в любой работе рынка труда кардинально деформируются.

Таким образом, есть весомое основание полагать социализированный рыночный порядок весьма значимым в смешанной российской экономике. Но он функционирует как довесочный, по существу, выполняя роль социальной прокладки в условиях неоспоримого первенства государственно-корпоративного порядка.

Принципиальных корневых институциональных новаций в сравнении с периодом нулевых не произошло. Соответственно, сохранились прежние инерционные тренды по основным секторам экономики в качественном измерении. Вместе с тем внешнеэкономические перемены — сокращение зарубежных кредитов и отток иностранных инвестиций в условиях действия западных санкций — существенно гасят эффект положительного развития большинства рынков.

Можно с уверенностью констатировать наличие корневых институциональных изъянов экономики России. В России наблюдается сверхконцентрация крупнейшего корпоративного капитала, уникальная для стран с многоразмерной экономикой. Так, согласно результатам специального обследования, в 2018 году доля капитала 100 крупнейших российских корпораций в совокупной капитализации фондового рынка составляла почти 90%, причем в предшествующие периоды она была еще выше [26]. Отечественным монополиям/олигополиям через их родственные компании (материнские, внучатые и пр.) принадлежит подавляющая часть капитала всех остальных предприятий. По сути дела,

практически все сектора отечественного народного хозяйства находятся в сильной зависимости от крупнейших экономических феодалов, которые, в свою очередь, жестко «опекаются» властью.

В России просто мизерно число потенциально конкурентоспособных компаний со средним по современным меркам капиталом: доля занятых здесь ниже 3% [27]. Слабое присутствие современного среднего бизнеса вполне закономерно сопряжено с глубокими диспропорциями в развитии российских регионов, которые заметно усилились за последние несколько лет.

В неменьшей мере сказанное относится к малому бизнесу. Особенно деформирован индивидуальный предпринимательский сектор в отдаленных от Центра регионах. Здесь деятельность малых предприятий находится под полным контролем провинциальной бюрократии. Местная экономика, по существу, оказалась в загоне.

Последствия институционального «наслоения» — смычки государственно-корпоративного и социализированного рыночного укладов в российской экономической жизни также вполне зримы. Так, имеет место явная декоммерциализация строительной деятельности, осуществляемой за счет государственных (муниципальных) инвестиций. В большом числе случаев экономический эффект этой социализированной деятельности весьма эфемерен. Ей сопутствует воспроизводство огромного числа избыточных рабочих мест и просто бесполезная трата ресурсов в духе социалистической эпохи.

Наблюдаются крайне неблагоприятная динамика производительности труда в большинстве отраслей российской экономики [28], а также усиление дифференциации личного богатства и располагаемого капитала, особенно в региональном разрезе. Как свидетельствуют проведенные конкретные исследования, эти процессы в существенной мере объясняют сложившиеся результирующие тенденции — скромный, мало ощутимый и притом в значительной части теневой экономический рост и происходившее до настоящего момента длительное (5 лет подряд) снижение реальных доходов населения.

Приходится констатировать, что независимая предпринимательская инициатива на региональном и локальном уровнях фактически подавлена. По этой причине вполне объяснимо слабое развитие в России зеленой экономики по большинству ее направлений. Также со стороны региональных и местных властей отсутствуют весомые мотивации к решению экологических проблем. Неудовлетворительная экологическая обстановка сохраняется во многих районах внутри крупнейших городов (в том числе в Москве) и большом числе промышленных территорий.

Правомерна ли постановка вопроса о грядущем коллапсе существующего институционального остова российской экономики?

Наверное, нет. Довод очевиден: несмотря на все системные экономические изъяны, до настоящего момента продуцируются институциональные подвижки, позитивно влияющие на вектор экономического развития. Так, неоспоримы признанные достижения на поприще

технологической модернизации экономики и реализации на новой технологической базе масштабных инфраструктурных проектов при параллельном выполнении программ создания новых вооружений и военного строительства. Государственно-капиталистическая экономика явно кейнсианского типа оказалась вполне адекватной для решения этих амбициозных задач.

Далеко не исчерпан и потенциал будущего развития сугубо гражданских отраслей российской экономики даже при предположении неизменности институциональной среды [29]. В условиях действия западных санкций можно привести много примеров успешного импортозамещения, особенно в отношении инвестиционных товаров. Большие позитивные перемены имеют место также в сфере городской экономики в относительно благополучных российских регионах, произошедшие в немалой мере благодаря улучшению институционального механизма реализации инфраструктурных программ и проектов при использовании государственно-частного партнерства. Нельзя обойти вниманием и феномен возникновения новых рынков, в частности, инициированный использованием роботов и технологий искусственного интеллекта.

Сохранению долговременной стабильности в ходе трансформации российской экономики способствовало частичное преодоление демографического провала, доставшегося в наследство от эпохи позднего социализма и периода девяностых годов. Правда, в последнее время рождаемость резко снизилась, что представляет собой значимую угрозу экономической дестабилизации. В то же время следует учитывать, что уже в среднесрочной перспективе эффект сокращения трудоспособного контингента вследствие старения населения, вероятно, будет нейтрализован распространением безлюдных и трудосберегающих технологий.

Следует отметить, что возрастает влияние негативных изменений климата, оказывающее в отдельные периоды сильное неблагоприятное воздействие на экономическую деятельность, особенно в аграрном секторе и ряде регионов России, хотя в последнее время наблюдается определенная адаптация к климатическим изменениям в немалой мере благодаря целенаправленной государственной политике.

Несмотря на некоторые наблюдаемые позитивные тенденции в экономической жизни, определенно сохраняется острая необходимость корректировки нынешней модели развития России, отхода от расточительного огосударствления экономики, неэффективной занятости в духе советского социализма и т.д. Эта необходимость официально признается, но реализуется непоследовательно, либо дело ограничивается декларациями. Требование повышения эффективности рыночной деятельности и особенно инвестиций диктует целесообразность формирования действительно свободного от произвольного диктата власти корпоративного сектора. Такому сдвигу однозначно благоприятствует сильное уменьшение весомости государственно-корпоративного сектора в России вследствие коренного снижения мировых сырьевых цен.

Как и в Китае, вполне реально утверждение в качестве превалирующего корпоративного сектора с гетерогенной смешанной структурой акционерного капитала. Присутствие государства останется значимым, но необходимо, чтобы оно не препятствовало конструктивным инициативам корпоративного бизнеса.

Также в российской экономике все более возрастает потребность кардинального повышения роли малого и особенно среднего бизнеса и достижения его равноценного положения с другими секторами во всех регионах. Без такого сдвига невозможно столь желаемое ускоренное экономическое развитие многих отсталых российских регионов и, тем более, разрешение их социальных и экологических проблем.

По всем прогнозам в случае успешной реструктуризации экономики в грядущий период цифровой революции начала двадцатых может произойти порядковое увеличение численности хорошо оплачиваемых профессионалов. А это повлечет за собой долгожданный сдвиг в социальной структуре в пользу среднего класса — важнейшей предпосылки для трансформационного перехода к более предпочтительной институциональной модели среднего пути национального развития. Крайне важно, что ряды высококвалифицированных профессионалов, технократов и менеджеров пополняют представители молодого поколения. Они не страдают консерватизмом старшего поколения и, вероятно, будут восприимчивы к опыту прогрессивных институциональных преобразований.

Вместе с тем **реализуемость сценария желательного институционального трансформационного перехода применительно к России пока вызывает большие сомнения.** В первую очередь по вполне очевидной причине: нынешний властный истеблишмент в России вполне устраивает сложившееся статус-кво с точки зрения распределения капитала и доходов. Его совершенно не прельщает кардинальное преодоление стандарта полубедности, как и низкого уровня благосостояния и качества жизни в большей части российских регионов — унаследованных атрибутов советского социализма, поскольку следствием таких перемен может стать консолидированный общественный запрос на демократизацию государственного управления.

Резонно принимать во внимание также феномен особого консерватизма провинциальной российской бюрократии, продолжающей оставаться коррумпированной по старому «советскому» образцу и бюджетно-социализированной. Ее вполне устраивает сохранение нынешнего государственного курса и его институционального обрамления в виде причудливого сочетания государственного капитализма с социалистической приправой.

Можно утверждать, что происходящая в России статусная трансформация способствует корневой институциональной стагнации на экономическом поле [12]. Действительно, сложившаяся модель социальной структуры в России, определенно представляет собой явную пирамиду. Основная часть граждан — «низы», которым противостоят правящий слой и слой богатой буржуазии при относительно немногочисленном среднем классе даже в самом его широком понимании [30]. Как

следствие, на потребительских рынках превалирует стандарт полубедности, а существующие зоны элитного потребления весьма узки.

По численности полубедные слои населения превалируют над другими стратами, в том числе над крайне разнородным социальным конгломератом в лице среднего класса. По существу, консервируется ограниченный материальный уровень потребностей большинства российских жителей, не рассчитывающего на достижение высокого уровня благосостояния и качества жизни. Этому большинству привычна сильная псевдосоциализация экономической жизни.

И для правящих групп вполне очевидно, что полубедным обществом легче управлять; тем более что методы такого управления давно и хорошо апробированы. Особенно успешно осуществляется идеологический контроль над малоимущими слоями населения, в их числе молодыми людьми, с помощью средств массовой информации, монополизированных властью.

В завершение всего сказанного попытаемся ответить на вопрос: сохраняются ли сложившееся сходство экономических систем и тренд конвергенции в этом смысле политэкономических основ Китая и России?

Ответ не представляется утвердительным, исходя из сопоставления нынешних тенденций экономической трансформации. Для обеих национальных экономик характерно наличие доминирующего государственно-капиталистического или государственно-корпоративного уклада. Но китайская экономика находится в процессе дальнейшего глубокого реформирования, а российская — нет. Иными словами, конвергенция национальных экономических систем двух стран сменяется все более заметной тенденцией дивергенции.

Заметные признаки дивергенции обнаруживаются, например, при сопоставлении результатов статусной трансформации. В Китае в последние годы происходит увеличение относительной численности среднего класса при некотором сокращении доли крупной буржуазии. Это определенно не наблюдается в России.

В то же время бесспорной остается близость политических режимов в Китае и России. Однако нынешняя китайская политическая система допускает и даже стимулирует прогрессивные изменения в экономической системе своей страны, а политическое устройство России скорее служит обеспечению консервации неэффективной экономики. В то же время очевидно, что ныне российская власть уделяет все большее внимание поиску путей корректировки экономических отношений, о чем свидетельствует, в частности, недавно заявленные Правительством РФ намерения подвергнуть ревизии законодательство с целью отмены положений, препятствующих развитию предпринимательской инициативы.

Литература

1. *Зомбарт В.* Современный капитализм. Т. 1 // М.-Л., Гос. изд., 1931.
2. *Ойкен В.* Основы национальной экономики // М.: Экономика, 1996.
3. *Шумпетер Й.* Капитализм, социализм и демократия // М.: Экономика, 1995.
4. *Корнаи Я.* Социалистическая система: политическая экономия коммунизма // М.: НП "Вопросы экономики", 2000.

5. *Voslensky M.* Nomenclature: Anatomy of the Soviet Ruling Class // London: The Bodley Head Ltd. 1984.
6. *Shlapentoch V.* Public and private life of the soviet people // New York: Oxford University Press. 1989.
7. *Chow G.* Chinese economy // New York: Harper & Row. 1985.
8. *Валлерстайн И.* После либерализма // М.: УРСС, 2003.
9. *Naughton B.* The Chinese economy. Transitions and Growth // Cambridge, Massachusetts. The MIT Press. 2007.
10. *Cai, F. and D. Wang.* China's Demographic Transition: Implications for Growth, in Garnaut and Song (eds). The China Boom and Its Discontents // Canberra: Asia Pacific Press. 2005.
11. *Bian Y.* Chinese social stratification and social mobility. Annual Reviews of Sociology. 2002. 28: Pp. 91–116.
12. *Мартынов А.В.* Системная трансформация экономики и общества: российский выбор // Москва: Ленанд. 2016.
13. *Chavance B.* Ownership Transformation and System Change in China. Revue de la Régulation – Capitalisme, institutions, pouvoirs, Association Recherche et Régulation, vol. 21. 2017.
14. *Novokmet F., Piketty T. and Zucman G.* From Soviets to Oligarchs: Inequality and Property in Russia, 1995–2016 // NBER working paper 23712. 2017.
15. *Lin T. and Wu X.* The transformation of the Chinese class structure, 1978–2005. Social Transformations in Chinese Societies 5: 2009. Pp. 81–116.
16. *Piketty T., Li Y. and Zucman G.* Capital Accumulation, Private Property and Rising Inequality in China, 1978–2015 // NBER Working Paper No. 23368. 2017.
17. *Long Z., Herrera R. and Andréani T.* On the Nature of the Chinese Economic System. Monthly Review // New York. 2018.
18. *Weng Q., Xu H., and Ji Y.* Growing a green economy in China in IOP Conference Series: Earth and Environmental Science. 121(5):052082. 2018.
19. *Batson A.* The state sector's new clothes. China Economic Quarterly. 2016. V. 20, No. 2.
20. China's Financial Repression: Symptoms, Consequences and Causes. CBS Open Journals. Available online: <https://rauli.cbs.dk/index.php/cjas/article/viewFile/.../6152>.
21. Доклад Си Цзиньпина на 19 съезде КПК. Онлайн: ukros.ru > uploads > 2017/11 > 1, pdf.
22. *Song L.* State-owned enterprise reform in China: Past, present and prospects. China's 40 years of reform and development 1978–2018 // Canberra: ANU Press. 2018.
23. Tax Reforms Will Strengthen Support for SME's in 2018: Ministry of Finance. 2018. // China Banking News. March 7.
24. *Zhang D.* The Mechanism of the Middle-Income Trap and Potential Factors Influencing China's Economic Growth in Frontiers of Economics in China 9(3): 2014. Pp. 499–528.
25. World Inequality Report Paris. 2018. World inequality lab. Онлайн: <https://wir2018.wid.world>.
26. 100 крупнейших по капитализации компаний России // Москва. 2019. РИА. Онлайн: <https://riarating.ru> > infografika.
27. Сектор малого и среднего предпринимательства: Россия и Мир / Институт экономического роста // М., 2018. Онлайн: <http://stolypin.institute/wp-content/uploads/2018/07/issledovanie-ier-msp-27.07.18.pdf>.
28. Российский статистический ежегодник. 2017; 2018 // Moscow. Росстат. С. 115. Онлайн: <http://gks.ru> > doc-2017 > year > year17; <http://gks.ru> > doc-2018 > year > year18.
29. Russia's economy: Preserving stability; Doubling growth; Halving poverty. How? 2018. Russia economic report #40. Wash., DC: World Bank.
30. *Тихонова Н.Е.* Социальная структура России: теория и реальность // М.: Новый хронограф. 2014.